

ту ударную силу, которую можно использовать в борьбе против крупных светских и особенно духовных феодалов.

Что касается бюргерства, то его материальные интересы были тесно связаны в этот период с делом восстания, хотя многие бюргеры были очень далеки от понимания этого и мечтали только об уступках, которые они рассчитывали заслужить у феодалов своей умеренностью. Только находясь в рядах восставших, бюргеры могли расправиться со своими конкурентами и врагами из числа рясников. Только опираясь на массы, они могли изгнать из городов или оттеснить от господства немецких патрициев. Только в союзе с рыцарями и народными массами могли они надеяться отстоять родину от грабительских полчищ Сигизмунда. Наконец, только в лагере восставших могли бюргеры обрести ту свободу личности, которая делала из презираемой феодалами «городской черни» носителей подлинной власти в большинстве чешских городов. Но бюргерская оппозиция была непоследовательной и половинчатой. Справедливость требует сказать, что даже многие рыцари оказались более верными и стойкими борцами за свободу и независимость родины, чем эти трусливые предшественники чешской буржуазии. Это объясняется в первую очередь тем, что чешское бюргерство ни экономически, ни политически не созрело к началу крестьянской войны настолько, чтобы выступить в качестве самостоятельной силы с чётко сформулированными целями и задачами. Бюргерство Чехии не могло ещё самостоятельно возглавить борьбу всего народа. Поэтому линия поведения бюргерства представляет собой ряд колебаний между крестьянско-плебейским лагерем и лагерем феодально-католической реакции. В этих колебаниях маятник всё время отклонялся вправо, пока, наконец, чешские бюргеры не отыскали своё место. Но что это было за место? Это не было место более или менее самостоятельного буржуа. Это было положение бюргера в феодальном обществе, угодливо сгибающего свою спину перед властью феодалов и авторитетом католической церкви.

Нужно при этом подчеркнуть, что чешское бюргерство не представляло собой вполне однородной массы. Рядовой ремесленник, которому постоянно грозила опасность